

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ГЕРЦОГИНЯ
ИЗУМРУДНОГО ЗАМКА

Надежда Соколова

Герцогиня Изумрудного замка

<https://litres.ru/74163198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - старая дева, попаданка, с Земли в магический мир. Менеджер среднего звена, теперь я решаю проблемы, связанные с бытом и хозяйством. Мало что понимая в управлении замком и челядью, я стараюсь не только разобраться в нуждах окружающих, но и параллельно отбиваться от женихов, которым нужна не я сама, а мое имущество. Впрочем, все ли они так думают?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Надежда Соколова

Герцогиня

Изумрудного замка

Глава 1

За окном шел летний дождь. Он начался еще утром, с первыми серыми проблесками рассвета, и к середине дня даже не думал прекращаться. Крупные, тяжелые капли равномерно, с незнакомым мне ритмом отбивали по подоконнику, и этот звук заполнял комнату целиком, не оставляя места для тишины. Временами ветер бросал в стекло целые пригоршни воды, и тогда барабанная дробь становилась гуще, почти тревожной, но спустя минуту ритм вновь выравнивался, возвращаясь к той же размеренной, упорной мелодии. По стеклу стекали тонкие ручейки, искажая очертания вокруг, превращая привычный пейзаж в расплывчатый, колеблющийся акварельный набросок. Я сидела в глубоком кожаном кресле у окна, подобрав ноги, и смотрела на мокрое стекло, за которым мир казался одновременно ближе и недостижимее, и думала, думала, думала.

Две недели назад, вернувшись с работы — после очередного бесконечного дня, проведенного в душном офисе за пе-

рекладыванием бумаг, — я нашла в своем почтовом ящике, среди рекламных листовок и счетов за коммунальные услуги, плотный конверт из желтоватой, шершавой на ощупь бумаги. Углы его были чуть замяты, а на лицевой стороне значилось только мое имя, выведенное черными чернилами — без обратного адреса, без марок. Внутри, когда я вскрыла конверт осторожно, стараясь не порвать края, лежало завещание, составленное на мое имя. Текст был напечатан на машинке, с ровными, чуть поблекшими буквами, и гласил, что некий Артур Горский, как следовало из приложенных документов, приходился мне дядюшкой — дальним родственником моей матери, о существовании которого я никогда не слышала ни от нее самой, ни от бабушки. В сухих, казенных формулировках, с непривычными для современного уха оборотами, сообщалось, что он оставляет мне все свое имущество: замок с челядью, прилегающие земли и деревни, а также крестьян. Последний пункт меня насторожил — слово «крестьяне» выглядело здесь чужеродно, как обломок давно ушедшей эпохи. Я перечитала эту строчку трижды, пробуя ее на слух и на вкус, и пришла к выводу, что это чей-то глупый розыгрыш: ни замка, ни тем более дядюшки-аристократа у меня никогда не было, и моя родословная всегда умещалась на одном листе без всяких сюрпризов. Я уже собиралась выбросить бумажку в мусорное ведро, но в самом низу, мелким, но разборчивым почерком, явно дописанным от руки поверх машинописного текста, обнаружилась припис-

ка: «Портал работает ровно в полдень на следующий день после ознакомления с завещанием».

Что за портал, как он работает и что вообще происходит, я не понимала. В моей квартире не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало магический проход, — ни зеркал необычной формы, ни старых дверей, ни странных углублений в стенах. Однако за годы работы под началом самодура-начальника, который мог в любую минуту изменить свои решения и перечеркнуть недели труда, я привыкла прислушиваться к собственной тревоге. Она редко обманывала: обычно она возникала за несколько дней до очередного скандала или внезапной реорганизации, и я научилась узнавать ее холодный, липкий сигнал где-то под ложечкой. И сейчас этот сигнал звучал тихо, настойчиво, ровно и монотонно, как капли за окном, и подсказывал: надо готовиться, даже если все это кажется абсурдом.

Я зашла в свою однокомнатную квартиру, плотно заперла входную дверь, проверив замок дважды, и перечитала непонятную бумажку еще дважды, сидя на краю дивана и держа листы так, чтобы свет из окна падал прямо на строки. Затем я поднялась, открыла шкаф и выдвинула из него старую дорожную сумку — потертую, с заедающей молнией, которую я не брала в руки уже года три, с тех пор как перестала ездить к морю. Я растянула ее, расправила складки и стала укладывать вещи, перебирая каждую и взвешивая на ладони. Да, это почти наверняка розыгрыш. Да, я буду выглядеть

идиоткой в чьих-нибудь глазах, если завтра в полдень ничего не случится и я останусь стоять посреди комнаты с собранной сумкой. Но мне казалось, лучше так, чем потом жалеть о неподготовленности. Что именно скрывалось за этим «чем» — возможная сырость, холод, незнакомые люди или просто чувство собственной беспомощности, — я старалась не додумывать, отгоняя слишком яркие картинки. Само слово «замок» рисовало в воображении высокие холодные каменные стены с неровной кладкой, по которым вечно струится вода, сырость, пробирающую до костей, пронизывающие сквозняки из щелей в оконных проемах и постоянные простуды, которые в таких местах подстерегают непривычного человека на каждом шагу. Поэтому в сумку отправились два шерстяных свитера плотной вязки, флисовая кофта с высоким горлом, три пары теплых носков из верблюжьей шерсти, непромокаемая куртка с капюшоном, несколько пар белья, небольшая, но продуманная аптечка с антибиотиками широкого спектра, жаропонижающими порошками, пластырями и бинтами, спички в водонепроницаемой упаковке, складной нож с фиксатором лезвия, фонарик с запасными батарейками, а также запас консервов — тушенка, рыбные консервы и банка сгущенки — и пачка сухого печенья. На дно, между свитками одежды, я положила копии документов в полиэтиленовом файле, банковскую карту и немного наличных мелкими купюрами — на всякий случай, если вместо средневекового замка окажусь просто в соседнем городе

без связи.

И надо сказать, эти приготовления не пропали даром. На следующий день, ровно в полдень, когда я сидела на кухне с чашкой остывшего чая — я заваривала его еще за полчаса до, но так и не притронулась, глядя на стрелки часов, — воздух передо мной сгустился, замерцал, и в центре комнаты открылся портал. Он был похож на вертикальный овал, края которого дрожали мелкой рябью, как поверхность воды от упавшего камня; изнутри исходил ровный, без тепла, серовато-голубой свет, а воздух вокруг него сделался плотным и чуть солоноватым на вкус. Я не успела испугаться — лишь схватила сумку, уже стоявшую рядом на стуле, и, сама не понимая как, шагнула в него. Перемещение заняло не больше мгновения, но запомнилось чувством полной потери опоры — словно пол ушел из-под ног — и давящей, со всех сторон сжимающей тишиной, которая не позволяла услышать даже собственного дыхания. А затем я стояла на мокрой от недавнего дождя траве, плотной и высокой, доходившей почти до колен, а передо мной возвышался настоящий старый замок из серого камня, с неровными рядами кладки, узкими бойницами и двумя круглыми башнями по углам, темнеющими от влаги.

Так я оказалась в другом мире, магическом, патриархальном, устроенном по законам, которые мне только предстояло понять.

И вот уже две недели я, Маргарита Астартова, тридцати-

пятилетняя менеджер среднего звена, худощавая брюнетка с вечно усталыми глазами и привычкой хмуриться в раздумье, не имевшая ни семьи, ни родни, жила в этом замке и считалась его хозяйкой. Каждое утро меня будил не будильник, а негромкий стук в дверь — служанка приносила в медном кувшине горячую воду для умывания и, стоя на пороге, тихо спрашивала, что будет к завтраку: каша с медом, свежий хлеб или яйца, сваренные вкрутую. Я медленно, день за днем, разбиралась с навалившимися проблемами: холодом в северном крыле, где из оконных щелей дуло так, что по стенам бежали капли, нехваткой дров — сухих поленьев осталось всего на две недели, а дровяной сарай требовал ремонта, — странными обычаями местных крестьян, которые в первый же день поклонились мне до земли и называли «барыней», а затем долго расспрашивали о том, можно ли собирать хворост в лесу после полудня, и туманными намеками управляющего, сутулого человека в поношенном сюртуке, который всякий раз, докладывая о хозяйстве, добавлял, что «господин Артур не успел уладить кое-какие дела», но при этом никогда не уточнял, какие именно. Но сейчас, глядя на летний дождь за окном, я просто сидела и думала. О том, как все изменилось — как вместо офисного гула и бесконечных отчетов я слышу лишь шелест дождя и шаги по каменным лестницам, как мои руки привыкают к шершавой поверхности старых книг в библиотеке, а глаза — к сумраку высоких сводчатых потолков. И о том, что делать дальше.

Стук в дверь — три коротких, ровных удара — прервал мои размышления. Я очнулась, провела ладонью по лицу, ощутив прохладу кожи после долгого сидения у стекла, и ответила, разрешая войти.

На пороге стояла Мэй — молоденькая служанка с вечно спутанными русыми волосами, которые она прятала под простой льняной косынкой, и с длинным передником поверх серого платья, выцветшего на плечах от частых стирок. Её лицо было слегка покрасневшимся от быстрой ходьбы по винтовой лестнице, а в руках она теребила край передника, когда переступала с ноги на ногу. Управляющий приставил её ко мне в первый же день, сказав, что она «расторопная и не болтливая», и за эти две недели я привыкла к её тихой манере входить, опускать глаза и ждать ответа, почти не нарушая тишину.

— Госпожа, вас просят спуститься в малую гостиную. Экономка и господин управляющий хотели бы с вами поговорить. Говорят, дело срочное.

Голос у Мэй был негромким, немного сиплым, и она произносила слова с местным говором, чуть растягивая гласные. Я кивнула, поставила остывший чай на столик — кружка уже давно остыла, и на поверхности образовалась тонкая пленка — и поднялась с кресла, расправив складки на юбке. Мэй тут же исчезла, тихо притворив за собой тяжелую дубовую дверь, и я услышала, как её шаги затихают в коридоре, сливаясь с мерным стуком капель за окном.

Я поправила ворот свитера — в замке даже в середине лета было зябко, особенно в коридорах, где каменные стены хранили утреннюю прохладу и сырость, — и вышла в коридор. Длинный, слабо освещенный узкими стрельчатыми окнами, он тянулся вдоль всего второго этажа; по его сторонам висели старые гобелены с выцветшими нитями, а в воздухе стоял плотный запах воска и остывшего камня. Каменные ступени лестницы, ведущей на первый этаж, были отполированы тысячами шагов до почти черного блеска — посередине каждая выщербленная плита имела едва заметное углубление, куда веками опускалась нога, и эти следы отпечатывались под подошвами моих домашних туфель. Перила холодные, чугунные, с затейливыми завитками на поворотах, которые за два года прикосновений стали гладкими, словно отполированными. Я спускалась медленно, держась за них рукой, и на ходу вспоминала, что уже знала об экономке.

Её звали Грета. Полная, уже немолодая женщина с седой в туго стянутых на затылке волосах и тяжелой походкой, она служила в замке еще при дяде Артуре и, по слухам, начинала еще при его отце — я слышала об этом от Мэй, когда та однажды вполголоса пересказывала мне местные разговоры. Управляющий, Томас, напротив, был из крестьян — местных, здешних, родившихся в одной из деревень на восточной границе земель, и его речь до сих пор хранила округлые, тягучие гласные и непривычные для моего уха обороты, что выдавало не книжное, а деревенское воспитание. Он выгля-

дел старше своих лет из-за глубоких морщин на лице — они шли от переносицы к уголкам рта и расходились веером у глаз, — и постоянно прищуренных глаз, привыкших к яркому солнцу полей, но в полумраке замка они казались узкими и внимательными.

Малая гостиная находилась в восточном крыле, сразу за большой столовой, куда я проходила, ступая по каменным плитам пола, местами покрытым вытертыми циновками. Это была невысокая, сводчатая комната с тремя узкими окнами, выходящими во внутренний двор, где сейчас стояли лужи и с карнизов срывались редкие, тяжелые капли. Свет проникал внутрь приглушенный, рассеянный, серый, и в этом полусвете пылинки медленно кружились в воздухе, оседая на темной мебели. Посредине стоял тяжелый дубовый стол, массивный, с выщербленными углами и следами от горячих кружек на столешнице, а вокруг — простые деревянные стулья с потертыми сиденьями, на которых глубоко продавленное дерево казалось темнее, чем нетронутые участки. На стенах висели темные гобелены, изображавшие сцены охоты — всадников в старинных одеждах, собак, гнавших оленя, и раскидистые дубы на заднем плане, — которые я разглядела не сразу: глаза привыкали к полумраку, и только по прошествии нескольких секунд из сумрака проступали контуры фигур и деревьев.

Грета и Томас уже ждали меня. Экономка сидела на стуле, положив полные руки на стол — её пальцы, короткие и с

натруженными суставами, покоились на гладкой доске неподвижно, словно она давно уже замерла в этой позе. При моем появлении она попыталась приподняться, опершись ладонями о край стола, но я жестом остановила её, и она опустилась обратно с облегченным выдохом. Управляющий стоял у окна, опершись спиной о холодный каменный подоконник, и нервно постукивал пальцами по тёмной поверхности — этот звук был сухим, отрывистым, и я уловила его прежде, чем закрыла за собой дверь. На нем был тот же серый жилет поверх грубой рубахи, что и всегда, а на поясе болталась связка ключей, которая звякала при каждом движении.

— Госпожа, — начал Томас, едва я опустилась на стул напротив Греты, подобрав край юбки и положив руки на колени. — Извините за беспокойство, но тянуть больше нельзя. Надо решать, и решать быстро.

Голос у него был низкий, чуть с хрипотцой, как у человека, привыкшего отдавать распоряжения на свежем воздухе. Он не повышал тона, но в каждом слове чувствовалась та настойчивость, которая появляется у людей, давно живущих с сознанием неотложных забот. Грета кивнула, подтверждая его слова, и её двойной подбородок слегка дрогнул; она перевела взгляд с управляющего на меня и обратно. Я молча ждала, сложив руки и глядя на них обоих по очереди, чувствуя, как в комнате прохладно — даже холоднее, чем на лестнице, — и как сырой воздух тянет от оконных щелей.

— Крыша над северным жилым крылом, — сказал управ-

ляющий, слегка наклонив голову и прищурившись еще больше, — течет уже второй месяц. Я сам забирался туда в начале июня, видел дыры в шифере, в трех местах. Бывший хозяин обещал вызвать кровельщика еще весной, как только снег сошел, да не собрался — всё ждал сухой недели, а сухая неделя всё не приходила. А теперь дожди зарядили, не переставая уже четвертые сутки. В трех комнатах на втором этаже ведрами воду собирают — я распорядился поставить по ведру в каждой, и слуги меняют их каждые три часа, иначе вода переливается через край. Потолки разбухают, штукатурка отваливается комьями, на полу уже лужи. Еще немного — и рухнет перекрытие, а там и обрушение стены может потянуть за собой.

Он замолчал, переведя дыхание и постучав костяшками пальцев по подоконнику, давая мне осознать услышанное. В тишине было слышно, как за окном шуршит дождь по листьям старого вяза во внутреннем дворе. Затем он продолжил, немного смягчив голос, но не убирая из него настойчивых ноток:

— С сеном беда. Луга нынче мокрые, косить не могли почти до июля — трава лежала примятая дождями, и когда наконец выдалось три ясных дня, мы едва управились с третью обычного объема. То, что собрали, уже на исходе. Лошадей в замке всего пятеро — две рабочие, две верховые и один старый мерин для повозки, — но кормить их чем-то надо, если мы хотим, чтобы они не отощали к зиме. А если зима

придет рано, что здесь бывает, тянуть животных нечем будет, и придется либо продавать за бесценок, либо резать, а тогда в поле весной некому будет вывозить навоз и пахать.

Он замолчал, и Грета вздохнула — тяжело и протяжно, словно несла на себе всю тяжесть этих слов последние дни и теперь только и ждала, чтобы разделить её с кем-то ещё. Она заговорила сама, и я повернулась к ней. Голос у неё был низкий, грудной, с хрипотцой, которая появляется от долгих разговоров на кухне в сыром помещении и от привычки говорить громко, чтобы быть услышанной в шуме больших комнат.

— И это еще не все, госпожа. Урожай в этом году плохой — я говорила с тремя старостами из ближних деревень, все как один подтверждают. Дожди залили поля в низине, вода стояла больше недели, зерно в колосьях начало прорастать на корню. Град в июне, в самом конце месяца, побил озимые на возвышенностях, так что там осталась едва ли половина. Крестьяне, по их прикидкам, не соберут и половины того, что нужно, чтобы прокормиться до весны. В деревнях уже сейчас тревожатся — я слышала от торговцев, что проезжали через наши земли, бабы на посиделках судачат, мужики собираются у колодцев и спорят. Люди говорят, что если осень будет холодной и ранней, то запасов зерна не хватит, и тогда зимой начнется голод.

Она помолчала, провела ладонью по столу, словно стирая невидимую пыль, и добавила, понизив голос почти до шепота.

та:

— В замковых погребах пусто, я сама проверяла вчера с ключницей, пересчитывали бочки и мешки. Прошлогодние припасы почти кончились — мы их расходовали все лето, поскольку господин Артур не распорядился, чтобы нам привезли новое зерно из амбаров в восточном поместье. Солонины осталось на два месяца, если нормировать по полфунта на человека в день. Муки — недели на три, если экономно расходовать и печь хлеб пополам с отрубями, которые ещё остались в кладовой. Картошка и корнеплоды ещё не выкопаны, но я посылала садовника проверить — выкопали несколько кустов для пробы, и оказалось, что клубни уродились мелкими, с голубиное яйцо, и много червоточин. Я уже велела затянуть пояса на кухне — сократить порции прислуге, оставить только два обеда в день вместо трех, — но надолго нас не хватит. А до нового урожая еще жить и жить, если считать, что убирать начнут не раньше сентября, да и то — если погода позволит.

Я сидела, сцепив пальцы под столом — костяшки побелели от напряжения, хотя я и не замечала этого, пока не почувствовала легкое онемение в кончиках, — и слушала. Голос Томаса звучал ровно, без лишних эмоций, но каждое слово ложилось на стол тяжелым грузом, и я машинально отмечала про себя, как он перебирает пальцами край подоконника, когда называет очередную цифру или срок. Он добавил еще несколько мелочей: подгнила водосточная труба с юж-

ной стороны, и во время ливня вода течет прямо по стене, размывая фундамент у кухонного входа; в кузнице не хватает угля, последний воз привезли еще в мае, и кузнец уже дважды жаловался, что не может подковать лошадей и починить плуги; две крестьянские семьи из дальней деревни просрочили оброк уже на месяц, потому что нечего было отдавать — их единственная корова пала весной, а посевы вымокли в низине, и они прислали старосту с поклоном и пустыми руками. Каждый раз, произнося очередной пункт, он делал короткую паузу, словно давая мне возможность переварить услышанное, и я видела, как его прищуренные глаза на мгновение закрываются, прежде чем он продолжает.

Грета кивала каждому его слову — медленно, тяжело, опуская и поднимая подбородок, — и иногда вставляла свои подробности, когда Томас умолкал, чтобы перевести дыхание. Она рассказывала, что в кладовой завелась мышь, и уже успела прогрызть дыру в мешке с крупой, так что пришлось пересыпать остатки в жестяные банки; что штукатурка в коридоре второго этажа осыпается с потолка прямо на проход, и каждое утро служанка подметает белую крошку, которой становится всё больше; что челядь ропщет — она слышала это собственными ушами, когда проходила мимо людской, — потому что им уже два месяца не платили жалованье, и люди не знают, на что покупать себе свечи и мыло. Артур Горский, по её словам, задолжал и слугам, и местным торговцам, которые привозили в замок муку, соль и ткани; ку-

пец из соседнего города дважды присылал гонца с требованием оплатить старый счет, и оба раза гонец уезжал ни с чем.

Я смотрела на потемневший от времени потолок малой гостиной — на его низкие своды, где в трещинах застарелой штукатурки виднелись темные пятна сырости, и на тяжелую дубовую балку, проходившую под самым сводом, — и думала о том, что две недели назад моей самой большой проблемой был отчет для начальника, который надо было сдать к пятнице, а ещё — не забыть купить хлеб и молоко по дороге домой. Я вспомнила свой маленький письменный стол в офисе, на котором всегда стояла кружка с остывшим кофе, и стопки бумаг, аккуратно разложенные по папкам. А теперь у меня текла крыша, и вода капала на пол в трех комнатах, и я знала имена этих комнат — северная спальня, гардеробная и бывший кабинет, — хотя ни в одной из них ещё не ночевала. Голодали крестьяне, и я уже представляла их лица — загорелые, изрезанные морщинами, с настороженными глазами, — хотя видела их только издали, когда они кланялись у ворот по воскресеньям. И нечем было кормить лошадей — тех самых пятерых, которых я мельком видела в конюшне, когда Мэй водила меня показывать хозяйство, и которые сейчас стояли в стойлах и жевали последние пучки сырого сена. И никого, кроме меня, эти вопросы решать не собирались — я понимала это по тому, как Томас и Грета смотрели на меня, ожидая ответа, и как их пальцы непроизвольно постукивали или сжимались, выдавая их собственную тревогу.

— Хорошо, — сказала я наконец, разжав пальцы и положив ладони на край стола, чтобы ощутить под ними прохладную, чуть шершавую поверхность старого дерева. Голос прозвучал тише, чем хотелось бы, почти шепотом, и я прочистила горло, прежде чем продолжить, стараясь, чтобы в нём появилась хоть какая-то твердость. — Хорошо. Расскажите мне все по порядку. С чего предлагаете начать?

Я перевела взгляд с Томаса на Грету и обратно, ожидая их ответа. За окном продолжал идти дождь, и капли равномерно стучали по стеклу, а в комнате повисла та особенная тишина, которая наступает, когда сказаны самые трудные слова и настала пора решать, что делать дальше.

Глава 2

Мы проговорили часа два, не меньше. За это время свет за окнами успел перемениться — серое утро перетекло в плотный, ровный полдень, и в комнате стало чуть светлее, хотя дождь не утихал и по-прежнему барабанил по стеклу и по подоконнику, создавая тот равномерный фон, к которому я уже начала привыкать. Грета и Томас говорили по очереди, иногда перебивая друг друга, но без раздражения — скорее, по привычке совместно вести хозяйственные дела, наработанной за многие годы, когда они делили заботы о замке между собой. Голос Томаса звучал ниже и отрывистее, он чаще смотрел в свой засаленный листок с подсчетами, водя по нему пальцем и сверяя цифры; Грета же говорила более плавно, с долгими паузами между фразами, словно обдумывая каждое слово, и её руки то ложились на стол плашмя, то сжимались в кулаки, когда речь заходила о самых тревожных вещах.

Я слушала, стараясь запомнить каждую деталь — имена слуг, сроки поставок, состояние амбаров и погребов, — и время от времени задавала уточняющие вопросы, чтобы прояснить то, что казалось мне неясным. Томас отвечал кратко, по делу, иногда доставал из кармана тот самый засаленный листок с какими-то своими подсчетами, разворачивал его и показывал мне столбики цифр, выведенные твер-

дым, но небрежным почерком, а затем прятал обратно, похлопывая по карману ладонью. Грета же больше рассказывала о внутреннем порядке замка: кто из слуг на что способен — кто быстро чинит мебель, кто умеет обращаться с лошадьми, кто может заменить повара в случае болезни, — какие продукты еще можно найти в кладовых, если пересмотреть все закрома и заглянуть в самые дальние углы, что лучше сделать в первую очередь, чтобы не допустить ухудшения и без того тяжелого положения.

К концу разговора у меня в голове сложилась более-менее ясная картина, хотя отдельные детали всё ещё оставались туманными: я не знала точного количества зерна в амбарах, не представляла, сколько именно досок нужно для ремонта крыши и где их взять, и понятия не имела, есть ли в округе кровельщик, который согласится работать без немедленной оплаты. Но главное — я поняла, что первым делом нужно было решить самые неотложные и недорогие проблемы, те, что можно закрыть без больших затрат и без долгих приготовлений.

Мы сошлись на том, что с мышью — а оказалось, что мышь в кладовой была не одна, Грета уточнила, что видела следы по крайней мере трех, но пока только одна доставляла заметные хлопоты, прогрызая мешки и оставляя помет на полках, — лучше всего справится обычный кот, которому не нужно платить и который сам будет искать пропитание, не требуя специального ухода. Томас сказал, что в деревне у его

соседа недавно окотилась кошка, и через пару дней он принесет одного котенка постарше, которого уже можно пускать в подвал — не слишком маленького, чтобы не заблудился, но ещё достаточно молодого, чтобы привыкнуть к новому месту и быстро освоиться с мышьиной охотой. Грета одобрительно кивнула, и я заметила, как её лицо чуть разгладилось при этих словах: она сказала, что мышеловов в замке давно не держали, последний кот умер ещё при отце Артура Горского, и пора бы завести снова, потому что без кота в старых каменных подвалах мыши плодятся быстро и портят всё, до чего могут добраться.

Затем я вспомнила про деньги. Челядь, как выяснилось, не получала жалованья уже два месяца, и люди терпели — Грета говорила, что они по-прежнему выполняли свою работу, не отлынивая, и даже не жаловались открыто, только перешептывались в людской по вечерам, — но терпение их заканчивалось, и экономка уже слышала намёки на то, что некоторые подумывают уйти в город наниматься к богатым торговцам. Я сказала, что расплачусь с ними завтра. Это решение далось мне не сразу, потому что я не знала, сколько именно задолжал Артур Горский и хватит ли монет, которые я видела в кабинете — я помнила только, что мешочек был довольно тяжелым, когда я случайно задела его краем рукава, но не имела представления о его содержимом. Однако откладывать дальше было нельзя: слуги, оставшиеся без денег, могли просто разойтись, а без них замок опустеет, и

приводить его в порядок будет уже некому. Я мысленно прикидывала, что даже если в мешочке серебро, а не золото, то на жалованье прислуге его должно хватить — людей в замке было не так много, около дюжины человек, если считать вместе с кухонными работниками и конюхами.

Грета облегченно выдохнула — по тому, как напряглись её плечи, когда она заговорила о долгах, и как она слегка подалась вперёд, опершись локтями о стол, я поняла, что эта тема тяготила её больше всего, возможно, даже больше, чем крыша или урожай. Она опустила голову на мгновение, и мне показалось, что она шевельнула губами, словно беззвучно произнося благодарность, но ничего не сказала вслух. Томас же просто кивнул и спросил, в котором часу завтра собрать всех во дворе — ему хотелось знать, как рано надо поднимать людей и стоит ли откладывать утренние работы, чтобы все успели собраться. Я ответила, что сразу после завтрака, примерно через час после рассвета, когда слуги уже закончат с утренней уборкой и смогут уделить время этому собранию.

После того как мы договорились о коте и о выплате жалованья, Грета и Томас переглянулись — этот взгляд был коротким, но выразительным, и в нём читалось что-то вроде взаимного подтверждения, словно они оба знали, что главные трудности ещё впереди. Я поняла это по тому, как они одновременно перевели взгляд на меня, и по той небольшой, почти неуловимой паузе, которая возникла между ними, прежде чем кто-то из них заговорил снова. Я села пря-

мее, положив руки на стол, и приготовилась слушать дальше, понимая, что самое трудное впереди.

— С крышей, госпожа, — начал Томас, понизив голос так, что я едва расслышала его поверх шума дождя за окном. Он сделал шаг от подоконника и приблизился к столу, положив ладони на спинку стула напротив меня, и в этом жесте чувствовалась привычка опираться на что-то твердое во время разговора. — Просто так не справиться. Нужны доски, черепица и плотник, который умеет работать на высоте — не каждый согласится лезть под самую крышу, да ещё в такую погоду. Бывший хозяин знал одного мастера в городе, старика с сыновьями, они специализируются на кровельных работах, но тот берет дорого — за день просит столько же, сколько простой работник за неделю, — да и ехать за ним — полдня, если дорога сухая, а сейчас она размокла и телега увязнет. Я могу съездить сам, если вы позволите взять лошадь и немного монет на задаток — нужно хотя бы пообещать мастеру половину платы вперед, чтобы он собрался и приехал, а то он не поверит на слово, зная, что господин Артур задолжал ему за прошлый ремонт.

Я подумала, глядя на свои руки, лежащие на столе, и машинально провела большим пальцем по костяшкам, чувствуя холод дерева под ладонями. Денег в мешочке неизвестно сколько — я ещё не пересчитала их, и эта неизвестность тяготила, но крыша не потерпит до зимы: если оставить её как есть, вода размочит не только потолки в трёх комнатах, но

и стены, а тогда ремонт обойдётся вдесятеро дороже.

Мы решили, что Томас отправится в город послезавтра, чтобы завтрашний день ушёл на подготовку — проверить подковы у лошади, смазать колёса телеги и собрать образцы черепицы, чтобы мастер мог сразу понять, какая именно нужна. А пока — хотя бы временно заткнуть самые худшие места в северном крыле: я слышала от Греты, что в трёх комнатах вода уже капает не по каплям, а тонкой струйкой, и ведра приходится менять каждые два часа вместо трёх. Грета сказала, что в сарае за конюшней сохранились старые холсты, плотные, пропитанные чем-то вроде смолы, и несколько кусков толя, которые дядюшка велел в своё время выбросить, но она припрятала, потому что "в хозяйстве всё пригодится". Она пояснила, что холсты лежат на верхних полках, сложенные в рулоны, и хоть края их немного истлели, середину ещё можно использовать, а толь — это толстый, просмоленный картон, который не промокает несколько месяцев, если его правильно закрепить. Я разрешила использовать их для латания дырок, и Грета согласно кивнула, сказав, что завтра утром пошлёт конюха с лестницей на крышу, чтобы тот хотя бы набросил куски на самые прохудившиеся места и прижал их камнями, пока не приедет мастер.

С сеном для лошадей выходило сложнее. Я представила их — в конюшне, которую видела лишь мельком, было сыро и темно, и запах прелого сена смешивался с лошадиным потом; Томас упоминал, что они уже отощали, и старый ме-

рин особенно плохо выглядит, его рёбра проступают через кожу. Луга мокрые, свежего сена нет — за две недели, что я здесь, не было ни одного дня без дождя, — а то, что осталось в стогу, почти всё скормили: запас был рассчитан только до середины июля, а сейчас уже конец месяца. Томас предложил поговорить с соседней деревней за рекой, которая называется Верховье, — у них, говорят, в этом году сенокос удался, потому что их поля расположены на возвышенности, где вода не застаивается, и они уже успели скосить и высушить траву в один из редких солнечных промежутков. Можно попробовать выменять несколько возов на что-нибудь — они сами недавно обращались к управляющему с просьбой об отсрочке оброка, но Томас тогда не решился без моего ведома. Я спросила, на что именно менять. Управляющий замялся: я заметила, как он потёр переносицу и отвёл взгляд к окну, словно собирался с мыслями, — но потом ответил, что у соседей не хватает соли, они не успели запастись до дождей, и их запасы почти иссякли, а также железных скоб для телег; у них сломалось несколько колёс, а кузнец в их деревне заболел, и починить некому. В замковой кладовой нашлось бы и то и другое, если поискать. Грета, услышав это, тут же подтвердила, что соль есть в мешках, в дальнем углу подвала, по крайней мере три больших мешка по полпуда каждый, а старые скобы, снятые с разобранных повозок, можно переплавить в кузнице и отковать заново, хотя на это уйдёт пара дней работы. Я согласилась, обдумав, что соль

и железо — это расход, но без сена лошади не протянут до осени, а значит, и обмен неизбежен. Томас решил завтра же послать верхового к соседям — одного из конюхов, который знает дорогу и умеет договариваться с крестьянами, — чтобы узнать, согласны ли они на обмен и сколько именно возов они готовы отдать за наши припасы.

Самым тяжелым оказался урожай и припасы. Неурожай — это не та проблема, которую можно решить за день или даже за месяц; я понимала это, слушая Грету, которая перечисляла цифры и даты с такой точностью, будто держала в голове целую бухгалтерскую книгу. Она сказала прямо, без обиняков, глядя мне в глаза поверх своих сложенных рук: если ничего не менять, к середине зимы в замке и в деревнях начнется голод, и тогда людям придётся уходить на заработки в город или продавать последний скот, чтобы купить хлеб по взвинченным ценам. Я спросила, что делали в прошлые неурожайные годы при дяде Артуре — была ли у него какая-то стратегия или он просто надеялся на лучшее. Томас ответил, что обычно покупали зерно в северных графствах, где дожди не так губительны, потому что там почва песчаная и вода уходит быстро; у них был постоянный торговец, который привозил рожь и овёс дважды в год, но в этом году он не приехал, потому что господин Артур задолжал ему за прошлую партию. Для этого нужны деньги, а казна пуста — Томас развёл руками, показывая, что в сейфе, который он проверил на днях, лежит только горсть медяков и несколько

серебряных монет, которых хватит разве что на мелкие расходы.

Второй способ, по его словам, — сократить посевные площади под пшеницу и засеять больше репой и кормовой свеклой, но это уже на следующий год, а сейчас нужны были немедленные меры, и он замолчал, глядя на меня с ожиданием, словно надеялся, что я предложу что-то такое, чего он сам не придумал. Я сидела, слушая, как дождь стучит по стеклу, и пыталась представить себе масштаб бедствия — поля, которые я никогда не видела, амбары, которые я не посещала, и людей, которых знала только по именам, — но картинка складывалась с трудом, и я чувствовала, как тяжесть этих слов ложится на мои плечи всё плотнее.

Мы продумали несколько шагов, и каждый из них я мысленно проговаривала про себя, чтобы не упустить ни одной детали.

Во-первых, переписать все запасы в погребах и кладовых — не только муку и крупу, но и соленья, масло, сушеные травы и всё, что хранится в бочках и мешках, — чтобы точно знать, на сколько дней их хватит при нынешнем расходе и можно ли урезать порции, не доводя людей до истощения. Грета взялась за это завтра же с утра, сказав, что возьмёт с собой ключницу и молодую помощницу, которая умеет писать, и они спустятся в подвал сразу после того, как подадут завтрак в малую столовую. Она пообещала составить список в двух экземплярах: один для меня, второй для себя, чтобы

всегда иметь под рукой точные цифры.

Во-вторых, отправить Томаса в город не только за плотником, но и разведать цены на муку и крупу у местных торговцев — может, удастся договориться об отсрочке платежа до осени, когда крестьяне соберут хоть что-то и появится возможность расплатиться зерном или другой продукцией. Томас кивнул, уточнив, что знает одного купца на рыночной площади, который раньше имел дела с дядей Артуром и, возможно, согласится на такие условия, если ему пообещать двойную плату весной, но для этого нужно будет подписать бумагу с печатью замка.

В-третьих, я предложила проверить, нет ли в окрестных лесах дичи и грибов — я помнила, как в детстве в деревне у бабушки мы собирали подосиновики и белые, и их хватало, чтобы разнообразить скудный стол на несколько недель, — это могло бы подкормить и людей, и лошадей, хотя последним, конечно, нужнее сено, но листья и молодые ветки тоже могут стать подспорьем. Томас хмыкнул — я услышала этот короткий, сдержанный звук, — но не стал спорить: он признал, что лесные уголья при замке никто не охранял уже много лет, и охотиться в них можно было свободно, без специального разрешения, главное — не заходить на земли соседей, где могут быть капканы.

— Только, госпожа, — добавил он, прищурившись и глядя на меня с той смесью уважения и сомнения, которая появлялась у него каждый раз, когда речь заходила о необычных

для него способах решения проблем, — наших крестьян посылать в лес надолго нельзя, у них свои поля, и сейчас как раз пора прополки и защиты от вредителей, так что отлучаться они могут только на полдня, не больше. Придется либо нанимать сборщиков за долю — людей из соседних деревень, которые не имеют своей земли и готовы работать за часть собранного, — либо самим ходить, то есть выделять людей из челяди, а их у нас и так немного. А челядь и так ропщет из-за задержек с жалованьем, и если заставить их ещё и в лес ходить, не давая за это платы, они могут просто отказаться.

Я сказала, что подумаю над этим завтра: мне нужно было время, чтобы взвесить все варианты и понять, сколько человек можно выделить без ущерба для повседневных дел. Грета вздохнула — я услышала её глубокий, протяжный выдох, — но промолчала, лишь перевела взгляд на свои руки, которые всё ещё лежали на столе, и я заметила, как она слегка сжала пальцы, словно удерживая себя от того, чтобы возразить.

В той спешке, когда мы обсуждали сено и обмен с соседями, я упустила из виду, что в кузнице нет угля. Томас тоже спохватился уже на лестнице, когда я окликнула его и напомнила об этом, услышав, как он перешагивает через порог в коридор. Он остановился и обернулся, и я увидела, как его лицо на мгновение озарилось пониманием собственного упущения — он прихлопнул себя ладонью по лбу, что было жестом, не свойственным его обычно сдержанной манере.

Мы вернулись в малую гостиную, и я спросила напрямую, глядя на него и на Грету:

— Как же переплавлять скобы, если нечем топить горн?

Я сама не была знакома с кузнечным делом, но знала, что для плавки металла нужен жар, а уголь даёт именно такой жар — обычные дрова не подходят, они слишком быстро прогорают и не дают нужной температуры.

Томас потер лоб — я видела, как его пальцы прошлись по глубоким морщинам на коже, словно он пытался стереть с себя эту ошибку, — и признал, что не подумал о топливе, когда предлагал переплавку. Грета сидела молча, сложив руки на животе, но по её лицу было видно — она знала эту проблему, наверняка помнила, что уголь кончился ещё весной, и ждала, когда мы до неё дойдём, не желая перебивать наши рассуждения лишними замечаниями.

После короткого размышления — я смотрела на тёмные гобелены на стенах, а в ушах у меня стоял ровный шум дождя, который стал немного тише, но не прекратился, — мы решили не переплавлять скобы вовсе. В кладовой, как вспомнила Грета, нашлось около дюжины старых, но целых железных скоб, оставшихся после починки телег два года назад: они лежали в ящике под лестницей, смазанные маслом, чтобы не ржавели, и никто ими так и не воспользовался. Их можно было отдать соседям в том виде, как они есть — для хозяйства, для починки колёс и тележных осей, они всё равно годятся, даже если не новые и с небольшими следами кор-

розии. А если соседям нужен именно переплавленный металл, чтобы отковать что-то особенное, то придется либо покупать уголь, либо искать другой товар для обмена: например, предложить им мёд или воск, если они есть в запасах, или тёплую одежду из старых вещей дядюшки Артура, которые всё равно никто не носит.

Томас сказал, что попробует договориться на скобы без переплавки: он знал крестьянскую психологию и был уверен, что обычно крестьяне не привередничают, лишь бы железо было прочным и не гнулось, а внешний вид их не заботит. А если не согласятся — тогда он поищет у них же, в той же деревне, не продаст ли кто лишний мешок угля из тех запасов, которые делают на зиму для собственных кузниц и печей: иногда у них остаётся излишек, который они готовы обменять на что-то нужное. Тогда и переплавить можно будет, и кузница оживет, и мы сможем не только скобы, но и другие инструменты привести в порядок.

Я согласилась, кивнув и чувствуя, как внутри меня успокаивается этот маленький узел беспокойства — не самый главный, но один из многих, который удалось развязать.

Когда мы закончили, за окном уже смеркалось. Свет стал гуще, серым, и в малой гостиной сделалось почти темно; я заметила, как Грета потянулась к свече, стоявшей на каминной полке, и зажгла её от огнива, и язык пламени осветил её лицо, сделав его мягче и спокойнее.

Мы разошлись по своим делам: Грета пошла на кухню

проверить ужин, Томас вышел во двор, звеня ключами, чтобы запереть ворота перед ночью. Я поднялась к себе по той же тёмной лестнице, держась за чугунные перила, на ощупь привыкая к их прохладной гладкости, и вошла в свою комнату. Села на край постели, на плотное шерстяное покрывало, и долго смотрела на огонек свечи, который я зажгла от той, что взяла в гостиной. Пламя колебалось от малейшего сквозняка, отбрасывая тени на каменные стены, и я смотрела на него, не мигая, пытаюсь утихомирить бег мыслей.

Решения были приняты, но каждое из них тянуло за собой десяток новых вопросов: хватит ли денег на плотника, согласятся ли соседи на обмен, сколько именно зерна нужно закупить и где взять на это средства, сколько людей удастся отправить в лес и не обернётся ли это новыми проблемами. Я постаралась не думать о них сейчас, чтобы не растревожить себя перед сном, а просто записала на клочке бумаги, который нашла в ящике комода, основные пункты, аккуратно выводя буквы при свете свечи: крыша — Томас в город послезавтра, сено — обмен на соль и скобы, припасы — проверка кладовых, разведка цен, лес — подумать о сборщиках. И мыши — кот у соседа. И долги — расплатиться завтра с челядью.

Список получился длинным, столбик цифр и слов занял почти весь листок, и я перечитала его дважды, проверяя, не забыла ли чего-то важного. Я сложила бумажку вчетверо и убрала её в нагрудный карман платья, где она лежала, каса-

ясь ткани, напоминая о себе лёгким шуршанием при каждом движении.

За окном уже не было видно ни крыш, ни деревьев — только сплошная темнота и редкие отсветы далёкой молнии, которые на мгновение выхватывали из мрака мокрые ветки. Я погасила свечу и легла, укрывшись покрывалом, чувствуя, как усталость накатывает волнами, но сон не приходил долго. Завтра предстоял долгий день.

Глава 3

На следующее утро я встала рано. За окном еще было серо — небо затягивали плотные, низкие облака, сквозь которые только начинал пробиваться бледный утренний свет, но дождь, наконец, прекратился, и в комнате стало тихо: не было привычного за две недели мерного стука капель по стеклу и подоконнику. Я присела на край кровати, прислушиваясь к этой непривычной тишине, и ощутила, как снаружи через неплотно прикрытую створку окна тянет свежим, влажным воздухом, смешанным с запахом мокрой листвы и камня. Я умылась холодной водой из медного кувшина, оставленного Мэй с вечера, — она стояла на туалетном столике, и вода в ней за ночь сделалась ледяной, так что я вздрогнула, когда коснулась её ладонями, но это помогло окончательно стряхнуть остатки сна, — затем вытерлась жестким льняным полотенцем, висевшим на спинке стула, и оделась потеплее, натянув поверх тонкой рубашки один из шерстяных свитеров, привезённых из дома, и плотную юбку до щиколоток, которую нашла в шкафу комнаты.

Я спустилась в большой зал, где уже собралась челядь. Решили собирать их там, а не во дворе, так как было сыро и довольно прохладно, и земля под ногами после трёхдневного ливня превратилась в густую грязь, в которой увязали сапоги; большой зал же был сухим, хотя и холодным, с высо-

ким сводчатым потолком, от которого тянуло сквозняком, и с длинными узкими окнами, через которые утренний свет ложился на каменный пол неровными прямоугольниками.

Грета построила их ровно — человек двенадцать, не считая кухонных девок и конюха, которые тоже стояли в общем ряду, вытянувшись вдоль стены под старыми штандартами, висевшими здесь ещё неизвестно с каких времён. Я увидела знакомые лица: Мэй в своём сером переднике, стоявшую ближе всех к выходу, старого садовника с обветренным лицом и мозолистыми руками, двух парней из конюшни в засаленных куртках, повариху и её помощницу, а также нескольких мужчин и женщин, которых я видела лишь мельком, когда они проходили по коридорам или пересекали двор. Люди стояли тихо, но я видела, как они исподлобья поглядывали на меня: кто-то опускал глаза в пол, кто-то смотрел мне прямо в лицо с настороженной прямотой, и в воздухе висело напряжение, почти осязаемое, как та сырость, что пропитала стены замка. Никто не верил, что новая хозяйка заплатит — я читала это по их неподвижным позам, по тому, как они сжимали руки перед собой или прятали их в карманы, по коротким переглядываниям, которые мгновенно прекращались, стоило мне перевести взгляд в их сторону.

Я попросила Томаса назвать сумму долга каждому — он стоял сбоку от меня, держа в руках потёртую тетрадь с записями, и читал имена и цифры негромким, ровным голосом, называя, кто сколько недополучил за два месяца, — затем

подошла к столу, стоявшему у дальней стены, на котором я заранее положила кожаный мешочек, и развязала шнурок, затянутый тугим узлом. Пальцы мои немного дрожали от холода и волнения, когда я расправляла горловину мешочка и высыпала часть монет на стол: серебро и медь, с разными оттисками, но все одинаково холодные и гладкие на ощупь. Монеты были незнакомыми — с какими-то птицами с распростёртыми крыльями и коронами, украшенными мелкими завитками, — но на вес и на ощупь казались настоящими, и я надеялась, что их признают законным платёжным средством. Я отсчитывала медленно, чтобы не ошибиться, сверяясь с цифрами, которые называл Томас, и клала каждую монету прямо в протянутую ладонь слуги, чувствуя, как металл покидает мои пальцы, оставляя на них лёгкий холодный след.

Челядь принимала молча. Я видела, как некоторые сжимали монеты в кулаке, не разгибая пальцев, словно боялись, что деньги исчезнут, если они разожмут ладонь; другие же держали их на открытой руке, разглядывали, переворачивали, и по их лицам пробегало то ли облегчение, то ли удивление. Только одна пожилая кухарка, когда получила своё, коротко выдохнула — я услышала этот звук среди тишины, похожий на сдавленный вздох, — и проговорила тихо, но отчётливо:

— Спасибо, госпожа.

Её голос был хриплым и низким, и я заметила, как она

слегка поклонилась, прежде чем отойти в сторону.

Когда последний слуга отошёл от стола, я затянула мешочек, пропустив шнурок между пальцами и завязав его на тот же узел, что и прежде. Внутри оставалось примерно половина того, что я отдала: я чувствовала это по весу, когда поднимала мешочек в руке — он стал заметно легче, кожа его обмякла и уже не так туго натягивалась на содержимом, как утром. Я не пересчитывала точно оставшееся серебро, потому что не хотела задерживать людей лишними манипуляциями, но в памяти у меня отпечатался этот новый вес — лёгкий и тревожный, который говорил о том, что запасы не бесконечны.

Грета задержалась, когда остальные уже начали расходиться по своим делам — кухонные девки направились в сторону кухни, конюхи к выходу во двор, остальные разбрелись по коридорам, — и подошла к столу, чтобы помочь убрать со стола пустую деревянную подставку, на которой я держала мешочек во время отсчёта. Она собирала монетную крошку и мелкий сор, который остался от старой ткани, покрывавшей стол, и я поблагодарила её тихо, чтобы никто больше не слышал: мне показалось, что в её молчаливом присутствии была поддержка, которую я не могла бы выразить словами. Она лишь кивнула в ответ и, сложив тряпицу, вышла из зала, оставив меня одну среди высоких стен и приглушённого света утра.

Я поднялась на второй этаж, в кабинет Артура Горского

— по той же лестнице, с теми же тёсаными ступенями и чугунными перилами, которые уже начали казаться мне привычными, и по длинному коридору, где висели те же тёмные гобелены, укрытые от света тяжёлыми шторами. Дверь в кабинет была приоткрыта, и я вошла внутрь, остановившись на пороге, чтобы дать глазам привыкнуть к полумраку, царившему за высокими окнами, задернутыми плотными занавесками.

Кабинет был небольшой, с одним высоким окном, выходящим на северный двор — я видела через него серую мостовую, мокрые доски колодца и край конюшенной крыши, с которой всё ещё срывались редкие капли, поблёскивая на утреннем свете. Мебель здесь стояла простая, без излишеств: письменный стол из тёмного дуба с потёртой столешницей, на которой чернильница и оловянный подсвечник оставили свои вековые следы; два стула с прямыми спинками, обтянутые вытертой кожей; и высокий шкаф с бумагами, до самого верха заполненный папками и свёрнутыми в рулоны картами. В углу кабинета стояла небольшая этажерка с несколькими книгами в кожаных переплётах, корешки которых выцвели до неразличимого цвета, и на подоконнике лежала забытая кем-то пара старых очков в железной оправе.

Я зашла, плотно притворила за собой дверь, и она закрылась с глухим, тяжёлым стуком, который разнёсся по комнате и затих среди высоких стен. Затем я, подумав, повернула ключ в замке — он вошёл в скважину с лёгким скрежетом,

и я услышала, как щёлкнул металлический язычок, отделяя меня от остального замка и его обитателей. Мне нужно было остаться одной, чтобы никто не вошёл, не прервал, не заставил отвлечься на вопросы и просьбы.

Раньше я старалась не заглядывать в бумаги. Первые две недели я жила как во сне — обустроивалась в отведённой мне комнате, расставляя свои немногочисленные вещи на полках и в комод, привыкала к холодным каменным стенам, которые по ночам отдавали накопленный за день холод, и к высоким потолкам, создававшим в комнате особую, давящую тишину; я училась различать слуг в лицо, запоминая их имена и привычки, старалась не перепутать Мэй с другой молоденькой служанкой, которую звали Лизетта, и понять, кто из мужчин отвечает за дрова, а кто за лошадей.

Документы, оставленные дядюшкой, пугали меня своей официальностью и непонятными терминами, названиями, которые ничего не говорили моему уму, привыкшему к другим словам. Я отодвигала их в сторону, находила другие занятия — осматривала залы, прогуливалась по внутреннему двору, помогала Грете пересчитывать посуду на кухне, — лишь бы не прикасаться к стопкам пожелтевшей бумаги, лежавшим в столе и шкафу. Но теперь, когда деньги были розданы, а первые хозяйственные решения приняты, прятаться дальше стало невозможно; я чувствовала, что без этих документов я не узнаю, чем на самом деле владею и с чем мне предстоит иметь дело в ближайшие месяцы.

Я села за стол, отодвинув тяжёлый стул так, чтобы он скрипнул ножками по каменному полу, и выдвинула средний ящик, в котором лежала самая толстая папка — та, что была сверху, придавленная тяжёлой чернильницей. Кожаная обложка, потрескавшаяся и потемневшая от времени, на ощупь была сухой и чуть шершавой, а по краям её покрывали мелкие царапины, оставленные долгим использованием. Завязки из грубого шнурка, когда-то светлые, теперь стали серовато-бурыми; я развязала их, распутывая узел, который держался крепко, словно его не трогали годами, и открыла папку.

Первым оказалось свидетельство о титуле — плотный лист пергамента, пожелтевший по краям и покрытый сетью мелких трещин, но всё ещё прочный на ощупь. Артур Горский, мой дальний родственник по материнской линии, носил титул герцога, и это было написано ровными, каллиграфическими буквами, выведенными тёмными чернилами, которые почти не выцвели. В бумаге, скреплённой тремя сургучными печатями — две красные, одна тёмно-зелёная, каждая со своим выпуклым рисунком, — говорилось, что после его смерти все права и привилегии переходят ко мне, Маргарите Астартовой, как единственной законной наследнице. Отныне я — герцогиня. Внизу стояла подпись, завитая и торжественная, и дата — десять лет назад, когда титул был подтверждён после какой-то проверки.

Я перечитала эту фразу трижды, водя пальцем по строкам,

и каждый раз слово «герцогиня» казалось мне всё более чужим, как будто оно относилось к кому-то другому, а не ко мне, сидящей в этой комнате в простом свитере с закатанными рукавами. Слово не укладывалось в голове: я вспомнила свой старый офисный стол, заставленный папками с отчётами, и свой почтовый ящик, куда опускали квитанции, и пустой холодильник, который я вечно забывала наполнить. Ещё совсем недавно я заполняла отчёты и разбирала жалобы клиентов, а теперь я — герцогиня. Это звучало чужеродно, почти нелепо, но бумага с печатями не врала — я ощупала пальцами выпуклые края сургуча, провела по ним ногтем, убеждаясь в их подлинности. Я отложила свидетельство в сторону, положив его на чистый угол стола, чтобы оно не мешалось под рукой, и взялась за следующую бумагу, лежащую прямо под ним.

Это была опись земель — несколько скреплённых вместе листов, исписанных мелким, но разборчивым почерком, с множеством приписок на полях и пометок, сделанных другим, более торопливым пером. Опись была датирована прошлым годом, и я заметила, что на некоторых строках стояли более свежие приписки, сделанные уже после этой даты, — возможно, самим дядей Артуром или его управляющим. Я водила пальцем по строчкам, читая названия урочищ и угодий, и пыталась представить себе, что именно теперь принадлежит мне.

Герцогство тянулось на много миль — от каменистых хол-

мов на востоке, где, как было отмечено, почва была непригодна для пахоты, но годилась для выпаса овец, до медленной реки на западе, которая служила естественной границей с соседними владениями. В моём владении находились обширные леса, в которых, как значилось в описи, водилась дичь — лоси, кабаны, зайцы и так далее, — и можно было собирать грибы и ягоды, но при этом в примечании было сказано, что последние пять лет никто не вёл учёта добычи и не выдавал лицензий на рубку, поэтому лес фактически оставался бесхозным. Две трети этих лесов, как следовало из пометок карандашом на полях, были заброшены — туда никто не ходил за дровами и не отправлял охотников уже лет десять, тропы заросли, и только местные крестьяне изредка забирались на опушки, чтобы собрать валежник и хворост для своих печей.

Луга, перечисленные в следующем разделе, занимали низины вдоль реки — это были широкие, ровные пространства, когда-то дававшие хорошее сено, но почти все они, как отмечалось в описи, страдали от избыточной влажности из-за частых разливов, и в последние два года там косили только на самых высоких участках, оставляя остальное под водой.

Поля — те, что ещё обрабатывались, и их было заметно меньше, чем значилось в старых записях, — теснились вокруг деревень, и в описании каждого участка упоминалось, насколько он истощён или засорён сорняками.

В сухом остатке значились три озера, одно из них с рыбой

— лещом и окунем, как было помечено на полях, — и пять ручьёв, пригодных для водопоя скота и для полива огородов, если только удавалось отвести воду в нужном направлении.

Дальше шли деревни. Я читала названия, которых никогда не слышала — Верхние Глины, Нижние Глины, Старое Костянище, Новая Мельница, и ещё несколько, — и каждое из них вызывало в моём воображении лишь смутные, обобщённые картины: низкие избы, заросшие усадьбы, грязные улицы после дождя. После каждого названия стояли цифры — число дворов и число душ, записанные чётко, с интервалами, как в переписи. Я увидела, что почти везде эти первоначальные цифры были зачёркнуты тонкой чернильной линией, и сверху тем же почерком, но более торопливым и неровным, были приписаны новые, ещё меньшие числа. В одной из деревень дворов было двадцать семь, а переписано на четырнадцать; в другой — тридцать один, а осталось одиннадцать. Я поняла, глядя на эти строки, что крестьяне уходили — кто-то из-за неурожая, кто-то из-за долгов, кто-то, возможно, просто искал лучшей доли в городах или соседних владениях, — и деревни пустели. Дома, как следовало из кратких приписок на полях, не ремонтировались: крыши протекали, стены оседали, и многие избы стояли с провалившимися кровлями, как и в замке, но здесь некому было даже попытаться их латать. Из всего населения, которое когда-то кормило герцогство — судя по старым цифрам, несколько сотен душ, — оставалась, возможно, треть, и эта

треть сейчас смотрела на меня с надеждой и тревогой из своих полусгнивших домов, сама не зная, что принесёт ей новое хозяйское имя.

Я закрыла опись и положила ее на стол, чувствуя, как под пальцами остывает шершавая поверхность обложки. Потом раскрыла снова, перелистнула несколько страниц и перечитала самые скорбные места — те, что заставляли сердце сжиматься от ровной, холодной безысходности. Полуразрушенные деревни с провалившимися крышами и заколоченными ставнями, где из двадцати домов только в пяти ещё дымили трубы. Мало крестьян — в несколько раз меньше, чем было двадцать лет назад, и почти поголовно старики, женщины да дети, потому что мужчины уходили на заработки в города и не возвращались. Земля, которая не родит, потому что нет рук, чтобы её вспахать и засеять; поля зарастали бурьяном и чертополохом, и в описи было прямо сказано, что более трети пашни просто выведено из оборота. Лес, который никто не рубит, хотя дрова в деревнях нужны каждой зимой, — но нет ни людей, ни инструментов, ни желания идти в чащу, которая за десять лет стала почти непроходимой. Озёра, с которых уже два года не собирали налог рыбой, потому что старосты не могли найти лодок и сетей, а рыбаки разъехались по соседним владениям, где платили лучше.

В кабинете было тихо. За окном возились голуби на каменном карнизе — я слышала их воркование и шорох лапок по влажному камню, и этот живой, будничный звук казался

странным на фоне моих мыслей. Свет за окном был ровным, без теней, — облака затянули небо плотной пеленой, и всё вокруг казалось выцветшим, лишённым чётких очертаний, как старые фотографии, которые долго хранились на солнце. Я сидела, сжимая край стола пальцами так, что под ногтями побелела кожа, и думала о том, что герцогиня без крестьян, без урожая и без денег — это не герцогиня. Это просто женщина в старом замке с дырявой крышей и пустыми погребками, которая может называть себя как угодно, но от этого ни хлеб не появится на столе, ни дрова в печи, ни тёплые одежды для людей, которым и так холодно и голодно уже не первый месяц. Титул, я всё яснее понимала это, не накормит людей и не починит телеги — он лишь накладывает на меня ответственность, которой я не просила и к которой не была готова, но от которой теперь не могла отказаться, потому что за этим титулом стояли живые люди, чьи имена я начинала запоминать и чьи лица уже не сливались в безликую толпу.

Я сложила бумаги обратно в папку, аккуратно расправив загнутые углы и проверив, не выпала ли из переплёта какая-нибудь страница, но не убрала её в ящик, а положила на край стола, рядом со свидетельством о титуле и несколькими другими документами, которые успела просмотреть — так, чтобы они были под рукой, на виду, и я могла взять их в любой момент, не перебирая ящики и не задерживаясь лишними движениями.

Завтра нужно будет показать их Грете и Томасу, когда мы

снова встретимся в малой гостиной, чтобы они могли увидеть те же цифры и названия, что и я, и, может быть, вместе мы сможем понять, что ещё можно сделать — есть ли какой-то скрытый ресурс, который я не заметила, или хотя бы способ протянуть до весны, не потеряв ни одной души. А пока я осталась сидеть в кабинете, глядя на серое утреннее небо за окном, на мокрые крыши конюшен и на голубей, которые перебирали лапками на карнизе, и пыталась привыкнуть к мысли, что теперь я не просто Маргарита, та самая, что сидела в душном офисе и строила планы на выходные, а герцогиня, и за мной — земли, леса и люди, которых нужно спасать, и что от моих решений зависит не только моя собственная судьба, но и судьбы тех, кто уже начал называть меня госпожой.

Глава 4

После того как я убрала бумаги обратно в папку и завязала шнурки, мне захотелось побыть одной еще немного, но в другом месте. Кабинет дядюшки давил на меня — слишком много нерешенных вопросов висело в воздухе, и даже стены, казалось, хранили в себе тяжесть его последних лет, когда он, возможно, сидел за этим же столом и размышлял о тех же цифрах, но так и не нашёл ответов. Мне нужно было пространство без столов, без папок, без описей и свидетельств — место, где я могла бы просто дышать и смотреть на что-то, что не требовало немедленного решения. Я вспомнила, что вчера, когда проходила мимо одной из дверей в восточном крыле, Грета обронила в ответ на мой рассеянный взгляд: «А там у нас книгохранилище. Только книг почти не осталось. Артур Горский не жаловал чтение, да и до него многие вывезли». Тогда я не придавала этому значения, но сейчас эти слова отозвались во мне тихим, почти забытым любопытством — тем самым, которое в прошлой жизни заставляло меня задерживаться у витрин букинистических магазинов.

Я решила посмотреть. Выйдя из кабинета, я притворила дверь, но не заперла её, и пошла по коридору, поворачивая в восточное крыло, где свет из окон был ещё более приглушённым, потому что с этой стороны замок закрывали кро-

ны старых вязов, росших вдоль стены. Книгохранилище находилось в конце длинного коридора на первом этаже, за тяжелой дубовой дверью с железной ручкой, на которой я заметила следы ржавчины и мелкие выбоины от многолетних прикосновений. Дверь поддавалась не сразу — я налегла плечом, ощутив, как дерево сопротивляется, плотно пригнанное к косяку, и толкнула сильнее, и она с низким, протяжным скрипом отворилась, открывая мне узкий проём в полумрак. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то еще, отдаленно напоминающим старые страницы — тот особенный, чуть сладковатый запах, который появляется у бумаги, когда она долго лежит в прохладном, плохо проветриваемом помещении, впитывая влагу стен и время. Этот запах был слабее, чем я ожидала, потому что книг здесь действительно осталось мало, и воздух был скорее пустым и холодным, чем насыщенным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.